

Ли Гуанбинь не раз и не два заводил с Хэ Яном разговор о том, что Сюаньсюаню пора в детский сад, причём говорил об этом серьёзно, с нажимом, словно пытался достучаться до друга, который вечно откладывал важные решения на потом, надеясь, что всё как-нибудь само образуется.

Последние несколько дней Хэ Ян только об этом и думал, прокручивая в голове одни и те же доводы, и понимал: в словах Ли Гуанбиня была правда — горькая, неудобная, но правда, от которой не убежишь. В Пекине, в этом огромном, сверкающем, бесконечно дорогим городе, люди готовы были на всё ради возможности здесь жить и работать, потому что экономика, медицина, образование — всё здесь было лучшим, всё было на высоте, и ради этого стоило бороться до последнего.

Сюаньсюаню скоро три — самый возраст, когда пора выходить в большой мир, знакомиться с другими детьми, учиться дружить, ссориться и мириться, постигать первые уроки жизни. А у него до сих пор не было компании сверстников — только папа, дядя Гуанбинь да изредка забегающие в гости соседские ребята, с которыми он даже толком поиграть не успевал. И в то же время вокруг, в новостях и в разговорах, то и дело всплывали тревожные слухи о новом законе: скоро, говорили, детей без пекинской прописки перестанут принимать в школы — даже за деньги, даже при больших связях, только с пропиской и никак иначе.

Закон ещё не приняли, но слухи уже наводили ужас на тысячи семей, заставляя их принимать отчаянные решения: ради будущего детей люди закладывали последнее, влезали в чудовищные долги, покупали хоть какую-то квартиру в Пекине, лишь бы получить заветную прописку и спокойно спать по ночам, не мучаясь страхом за завтрашний день. А пока закон не вступил в силу, у тех, кто пошёл в детский сад в Пекине, оставался шанс пройти всю школьную цепочку до самого конца — сложно, муторно, с кучей бюрократических проволочек, но шанс есть, а шанс — это уже надежда, которая согревает в самые тёмные времена.

Хэ Ян не хотел, чтобы сын повторил его судьбу, чтобы стоял на разгрузке в логистическом центре и считал каждую копейку, не имея выбора, ведь образование — единственная дорога в жизнь, которую он мог ему дать, единственный ключ к будущему, которое он мог для него открыть. Пусть Сюаньсюань закончит хотя бы обычный университет, получит хотя бы обычный диплом — и тогда у него будет выбор, будет право решать, кем стать и как жить, а не просто выживать, как отец.

Ночами, когда Сюаньсюань уже сопел в своей кроватке, Хэ Ян лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок, пытаясь принять окончательное решение. Шесть тысяч за семестр — для кого-то мелочь, а для него — четверть зарплаты, сумма, от которой захватывало дух, и он прикидывал, высчитывал, урезал мысленно каждую статью расходов: молоко можно брать подешевле, овощи — на рынке под закрытие, когда цены падают, с новой курткой придётся подождать до следующей зимы. А если Сюаньсюань заболит? А если нужны будут дополнительные взносы? Страх душил, но отступал перед одной мыслью: он не даст сыну вырасти таким же, как сам, не позволит судьбе снова сыграть с ним злую шутку.

К тому же нынешние ясли, куда Хэ Ян водил сына, тоже стоили денег — и немаленьких, таких, что каждый месяц приходилось ужиматься во всём остальном. Посчитав, прикинув, взвесив все за и против, он решил — завтра же начнёт искать сад, не откладывая больше ни на день.

Он взял отгул на работе и обошёл все детские сады в округе, заходя в каждый, знакомясь, расспрашивая, записывая цены и условия, сравнивая их в уме. К вечеру ноги гудели, язык заплетался от усталости, но главное было даже не это — цены оказались такими, что у Хэ Яна глаза на лоб лезли, а сердце ухало в пятки от одной мысли, что такие суммы придётся выкладывать каждый месяц.

И тут, как по заказу, позвонил Ли Гуанбинь, и голос его в трубке звучал озабоченно: сказал, что ему нужно срочно вернуться в родной город, и спросил, не надо ли чего передать директрисе или ещё кому. Хэ Ян ответил, и голос его прозвучал так хрипло и сипло, что Ли Гуанбинь встревожился не на шутку и начал расспрашивать, что случилось. Пришлось признаться: целый день ходил по садам, разговаривал с воспитателями, вот голос и сел, а толку пока мало.

— Ты чего молчал? — в голосе Ли Гуанбиня слышалось неподдельное возмущение, смешанное с обидой. — Я же тебе сколько раз говорил: давай решать этот вопрос вместе! А ты молчишь, сам всё тянешь, пока не припрёт к стенке. Зачем ты так?

И тут выяснилось, что у него есть знакомая — бывшая одноклассница, работает воспитательницей в частном саду в самом центре, на Третьем кольце, в хорошем месте с хорошей репутацией, и она может помочь, поговорить с заведующей, может, цену скинут, если повезёт. Но даже со скидкой, предупредил Ли Гуанбинь, для простого человека это всё равно может оказаться неподъёмно, так что надо быть готовым к любым цифрам.

Хэ Ян слушал и чувствовал, как внутри разрастается тёплая, благодарная волна, заливающая всё существо — Ли Гуанбинь помогал ему снова и снова, и не ждал ничего взамен, ничего не просил, просто был рядом. Он не был глуп, Хэ Ян, — он давно догадывался, что за этой заботой стоит что-то большее, чем просто дружеское участие, чем просто память о школьных годах. Ли Гуанбинь не раз намекал, а однажды и прямо сказал о своих чувствах, глядя в глаза с такой надеждой, что у Хэ Яна сердце сжималось. Хэ Ян делал вид, что не замечает, — не знал, как ответить, не ранив, и боялся потерять то небольшое, что у них было, а Ли Гуанбинь продолжал быть рядом, заботиться, помогать — и о сыне, и о нём самом, не требуя ничего, не ставя условий.

Перед отъездом из родного города он сказал тогда слова, которые Хэ Ян запомнил навсегда, врезал в память как самую важную заповедь:

— Я делаю это не потому, что жду чего-то взамен. Я просто хочу, чтобы ты не отворачивался от меня, чтобы мы оставались близкими. Пусть мы не будем вместе — но мы хотя бы останемся друзьями, одноклассниками, людьми, которым не всё равно друг на друга. Этого мне достаточно.

Ли Гуанбинь положил трубку и долго смотрел в одну точку, невидящим взглядом уставившись в стену, а в комнате было тихо — так тихо, что слышно было, как за стеной капает вода из плохо закрытого крана, отсчитывая секунды. Он думал о Хэ Яне, о Сюаньсюане, о той девочке, что когда-то была ему дорога и которая теперь помогла просто потому, что он попросил. Странное дело: он помогал другим устроить их жизнь, а своя всё никак не складывалась, всё

шла каким-то кривым, непонятным путём.

Благодаря его помощи и связям Хэ Ян всё-таки записал сына в сад — шесть тысяч за семестр, плюс пятьсот на питание, цифры, от которых у него самого свело бы живот и закружилась голова, но ради Сюаньсюаня, ради его счастливого детства он был готов на всё, даже на такие траты. Позже, уже после всех оформлений и подписанных бумаг, он узнал, что та симпатичная и добрая воспитательница, которая так помогла с устройством, оказалась бывшей девушкой Ли Гуанбиня, его первой любовью, с которой они расстались много лет назад, и это ради него, ради его настойчивой просьбы она пошла к заведующей и выбила скидку в две с половиной тысячи — сумму, которая для Хэ Яна была целым состоянием, настоящим спасением.

Хэ Ян заранее, за несколько дней до первого похода, начал готовить сына к саду, рассказывая ему сказки о том, как там здорово и весело. Он расписывал, сколько там игрушек, какие там добрые воспитательницы, как много детей, с которыми можно играть в разные игры. Сюаньсюань слушал, раскрыв рот, и глаза его разгорались всё ярче, загораясь детским восторгом — он так впечатлился рассказами отца, что вечером не мог уснуть, то и дело вскакивал в кроватке, тербил Хэ Яна и засыпал бесконечными вопросами, на которые папа терпеливо отвечал:

— Папа, а там правда есть Оутянь, как по телевизору? А много машинок, чтобы всем хватило? А кушать дают вкусное, с конфетами? А дети правда-правда будут со мной играть и не обидят?

Хэ Ян только улыбался в ответ и гладил его по голове, чувствуя, как от этой детской непосредственности тает всё внутри, уходит куда-то тревога и усталость.

Сюаньсюань пошёл в сад на месяц позже остальных детей, и это немного тревожило Хэ Яна — вдруг не впишется, вдруг не примут, вдруг будет сложно. Когда они с отцом вошли в группу, все дети разом уставились на нового мальчика — такого хорошенького, с ямочками на пухлых щеках, с алыми губками бантиком, с огромными глазищами, от которых невозможно было оторвать взгляд.

Хэ Ян стоял в коридоре, прижавшись лбом к холодному стеклу двери, и смотрел, как разворачивается первая самостоятельная жизнь его сына. Он видел, как Сюаньсюань сначала сжался, как воробушек под дождём, оробев от стольких незнакомых лиц и внимания, но когда дети дружно захопали, приветствуя новичка, а папа с улицы помахал ему и показал большой палец, мальчик расправил плечи, набрал полную грудь воздуха и бойко, без тени смущения, представился, чётко выговорив своё имя.

В груди разлилось такое тепло, что на глазах выступили слёзы, и Хэ Ян быстро смахнул их рукавом, чтобы никто не заметил — глупости какие, плакать от того, что твой ребёнок просто представился новым друзьям, но они всё равно наворачивались, и он перестал с ними бороться.

Несколько девочек тут же, наперебой, пригласили его сесть с ними за одну парту, заулыбавшись и замахав руками. Сюаньсюань, окрылённый таким тёплым приёмом, гордо прошествовал на последний ряд и уселся рядом с самой симпатичной, на его детский взгляд,

девочкой, а она улыбнулась ему, показав ямочки на щеках, и он сразу понял: здесь ему точно понравится, здесь его новый дом.

Сюаньсюань потом, уже вечером, взахлёб рассказывал отцу про новый сад, про машинки, про книжки с картинками — и про девочку, которая сидела рядом.

— Её зовут Мэймэй, — сказал он важно, надув щёки. — Она красивая. И добрая. Мы будем с ней дружить.

Хэ Ян улыбнулся и погладил сына по голове, думая о том, что первая дружба — это, может быть, самое важное, что сейчас есть в его жизни.

<http://bllate.org/book/16098/1573653>